

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

СТОЛПЫ ТВОРЕНИЯ

ЛЕГЕНДА ОБ ИСКАТЕЛЕ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Серия «Легенда об Искателе»

Terry Goodkind
THE PILLARS OF CREATION

Перевод с английского *Н. Романецкого*

Художник *В. Ненов*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Гудкайнд, Терри.

Г93 Столпы Творения : [роман] / Терри Гудкайнд ; [пер.
с англ. Н. М. Романецкого]. — Москва : АСТ, 2015. —
608 с. — (Легенда об Искателе).

ISBN 978-5-17-089821-3

Цикл Терри Гудкайнда о Ричарде Сайфере — Искателе Истины. Одна из величайших фэнтези-саг в истории жанра, которой восхищаются миллионы читателей по всему миру. Цикл Терри Гудкайнда лег в основу сериала «Легенда об Искателе», с успехом идущего и в нашей стране!

Читайте и смотрите!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Terry Goodkind, 2001
© Перевод. Н. Романецкий, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089821-3

Глава 1

щупывая карманы мертвеца, Дженнсен Даггет наткнулась на то, чего никак не ожидала найти здесь. Широко раскрыв глаза, она озадаченно смотрела на четкие печатные буквы, и холодный ветер шевелил ее волосы. Бумажный листок сложили дважды, превратив в маленький аккуратный квадратик. Дженнсен зажмурилась, словно надеялась, что, пока она не видит бумагу, слова исчезнут, подобно ночному призраку. Но они оставались на месте, разборчивые и реальные.

Хотя Дженнсен и знала, что мысль эта глупа, ей показалось, что мертвый солдат наблюдает за ее действиями. Не проявляя внешне своих эмоций, она украдкой взглянула в его глаза. Они были тусклыми и неподвижными. Говорят, покойники выглядят, как спящие. Этот не был похож на спящего. Его бледные губы были плотно сжаты, лицо — как восковое. На могучей шее багровело пятно.

Конечно, он не наблюдал за ней. Он вообще ни за кем теперь не наблюдал. Но поскольку голова его была повернута в сторону Дженнсен, было похоже, что он на нее смотрит.

Вверху, на каменистом утесе за спиной, голые ветви стучались друг о друга. Словно

бряцали кости... Казалось, и лист бумаги в дрожащих руках Дженнсен тоже громыкает на ветру. Сердце ее, и так учащенно бившееся, заколотилось еще сильнее.

Дженнсен похвалила себя за смелость и попыталась успокоиться. Попросту она позволила своему воображению зайти слишком далеко... Но ведь раньше ей никогда не приходилось видеть мертвеца, человека, который столь неправдоподобно неподвижен. Человека, который не дышит. Это просто ужасно! Дженнсен судорожно сглотнула, пытаясь сдержать собственное бурное дыхание.

Ей не нравился этот мертвый взгляд, поэтому она встала, приподняла подол длинных юбок и обошла вокруг тела. Потом тщательно сложила листок бумаги по уже имеющимся сгибам и положила себе в карман. Ей еще придется побеспокоиться об этом. Дженнсен знала, как мать отреагирует на эти два слова на листе.

Намереваясь завершить поиски, она вновь присела около мертвеца на корточки. Теперь, когда его лицо было повернуто в другую сторону, казалось, будто он оглядывается назад, на тропу, с которой сорвался. И удивляется тому, что оказался на дне скалистой пропасти со сломанной шеей.

На плаще мертвеца не было карманов. Зато к его ремню были приторочены два подсумка. В одном находилось растительное масло, точильный камень и ремень для правки бритв. Другой подсумок был наполнен вяленным мясом. И ничего, что могло бы подсказать имя погибшего.

Знай он местность так же хорошо, как Дженнсен, он бы воспользовался длинным путем вдоль подножия утеса, а не тропой, проходящей по вершине, где пятна черного льда делали дорогу в это время года предательски опасной. Даже если бы он пожелал спуститься с тропы в пропасть, было бы умнее пройти по лесу, несмотря на густую чащобу и бурелом.

Но что случилось, то случилось!.. Вот бы найти вещь, которая могла бы подсказать его имя. Тогда, может быть, удастся отыскать его родственников или знакомых. А они бы захотели узнать, как он погиб...

Дженнсен изо всех сил старалась держаться за эту ничемную идею, потому что это придавало ей чувство безопасности. Но против своей воли опять стала размышлять, что же делал здесь погибший. Разумеется, тщательно сложенный лист бумаги

говорил обо всем слишком очевидно. Однако не исключено, что есть и другая причина!

Если бы Дженнсен могла обнаружить эту причину!..

Надо проверить карманы. А для этого придется немного отодвинуть его руку.

— Милостивые духи, простите меня, — прошептала она и взялась за мертвую плоть.

Негнувшаяся рука мертвеца сдвинулась с большим трудом. Дженнсен с отвращением поморщилась. Он был холодным, как земля, на которой лежал, как редкие дождевые капли, падавшие со свинцового неба. В это время года перед таким резким западным ветром почти всегда шел снег. Сменяющие друг друга изморось и туман наверняка сделали заледенелую тропу еще более скользкой. Доказательством тому был мертвый человек.

Дженнсен понимала, что если останется здесь дольше, то наверняка попадет под приближающийся зимний дождь. Она хорошо знала, что люди в такую непогоду рискуют своей жизнью. По счастью, дом ее находился не слишком далеко. И если она задержится, обеспокоенная мать скорее всего придет за дочкой. Однако Дженнсен не хотелось, чтобы мать тоже промокла под дождем.

Она ждет рыбу, которую Дженнсен сняла с удочек, заброшенных в проруби на озере. Сегодня улов был большим. Сейчас рыба лежала с другой стороны от мертвеца...

Его не было здесь раньше, иначе бы Дженнсен наверняка обнаружила тело по дороге к озеру. Глубоко вздохнув, чтобы укрепить свою решимость, она заставила себя вновь взяться за поиски. Дженнсен представила, как в далеком краю неизвестная женщина ждет этого красивого великана, беспокоясь — в безопасности ли он, тепло ли ему, сухо ли...

Женщина не зря беспокоится.

Дженнсен не хотелось бы, чтобы кто-нибудь сказал матери, что ее дочь упала с утеса и разбилась... Нет, мать поймет, если дочь задержится немножко, чтобы выяснить, кто этот погибший. Дженнсен снова задумалась. Да, мать сможет понять, но вряд ли захочет, чтобы Дженнсен находилась рядом с одним из этих солдат. Правда, он мертв и не мог сейчас никому причинить зла — ни ей, ни матери...

Еще больше мать обеспокоится, когда Дженнсен покажет ей, что написано на листке бумаги.

Дженнсен знала, что именно надежда найти объяснение и подвигнула ее на поиски. Она отчаянно хотела, чтобы нашлось какое-нибудь объяснение. И насущная необходимость в этом удерживала ее рядом с мертвым телом, хотя больше всего ей хотелось сейчас убежать домой.

Если она не отыщет ничего, объясняющего присутствие солдата здесь, то лучше всего будет спрятать тело и надеяться, что никто никогда его не найдет. Даже пусть разразится дождь, ей следует спрятать его как можно быстрее. Тогда никто никогда не узнает судьбу солдата.

Она заставила себя засунуть руку в карман его брюк до самого дна. Бедро мертвеца было, как дерево. Пальцы Дженнсен торопливо захватили горсть мелких предметов. Судорожно вздохнув от страха, она вытащила сжатый кулак, низко склонилась в сгущающихся сумерках и раскрыла ладонь, чтобы посмотреть. Сверху был кремьень, костяные пуговицы, маленький моток веревки и сложенный носовой платок. Дженнсен пальцем сдвинула веревку и кремьень. Под ними оказалась горсть монет — серебряных и золотых. Дженнсен тихо присвистнула. Она никогда не думала, что солдаты могут быть настолько богаты, но у этого человека было пять золотых марок и много серебряных. По любым стандартам это был настоящий капитал. И серебряные пенни (не медь, а настоящее серебро!) казались незначительными рядом с золотыми монетами, хотя, видимо, и они одни составляли сумму бóльшую, чем та, что Дженнсен потратила за все свои двадцать лет жизни.

Ей пришло в голову, что она впервые в жизни держит в руках золотые — и даже серебряные — марки.

А еще мелькнула мысль, что ее действия очень смахивают на мародерство.

И не было в карманах никакого пустячка, так или иначе связанного с неизвестной женщиной. И ничего не поясняло, кем был погибший солдат.

Дженнсен снова поморщилась, когда ей пришлось исполнить очередную неприятную обязанность — положить вещи обратно в карман. Несколько серебряных монет выскользнуло у нее из

руки. Она подняла их с влажной, мерзлой земли и заставила себя вернуться на место.

Пролить свет на личность погибшего мог его заплочный мешок. Но Дженнсен не была уверена, что хочет заглянуть туда, тем более что там могут оказаться одни лишь припасы. Все самое ценное он скорее всего носил в карманах.

Как листок бумаги...

Она решила, что осталось осмотреть оружие и амуницию. На солдате были прочные кожаные доспехи, прикрытые темным плащом и мундиром. На бедре висел зловеще острый меч в потрепанных ножнах из черной кожи. Посередине меч был сло-ман — несомненно, в результате падения с тропы.

Взгляд Дженнсен остановился на ноже, прикрепленном к ремню. Увидев нож, она похолодела, но тут же вспомнила, что владелец его мертв. Рукоять ножа, поблескивающая в полумраке, привлекла ее внимание прежде всего. Дженнсен была уверена, что ни один обычный солдат не должен иметь столь дорогого ножа. Это явно один из самых дорогих ножей, которые она ви-дела в своей жизни.

На серебряной рукояти была затейливо выгравирована буква «Р».

Как же все-таки красива эта вещь!

С юного возраста мать учила дочь обращению с ножом. Как было бы хорошо, окажись у матери такой нож!..

Дженнсен.

Она вскочила.

Не сейчас! Добрые духи, не сейчас! Не здесь...

Дженнсен.

Дженнсен принадлежала к числу людей, которые мало что не любят в жизни, но этот голос она не любила.

И она проигнорировала его, как и всегда, заставив свои пальцы ощупывать тело. Проверила кожаные ремни. Нет ли в них потайных мест?.. Увы, нет. И мундир простого покроя, без кар-манов...

Дженнсен.

Она стиснула зубы.

— Оставь меня, — произнесла она вслух, но тихо.

Дженнсен.

На этот раз голос прозвучал по-другому. Будто был не в голове, как это казалось обычно.

— Оставь меня в покое, — простонала она.

Сдайся, — прозвучал безжизненный невнятный голос.

Дженнсен подняла голову и увидела, что глаза мертвеца пристально смотрят на нее.

Первый порыв завывающего ветра, предвестника холодного дождя, обрушился на нее. словно ледяные пальцы духов начали ласкать лицо...

Сердце Дженнсен бешено застучало. Она задышала прерывисто и со свистом. словно шелк цеплялся за сухую кожу... Взгляд широко раскрытых глаз был устремлен на лицо мертвого солдата. А потом она отскочила, поскальзываясь на мелких камнях.

С ее стороны так вести себя было глупо, и она это знала. Человек мертв. Он не смотрит на нее. Он просто не может смотреть на нее. Его немигающий взгляд мертв. Он сейчас, как связка снулой рыбы. Рыбины ни на что не смотрят. И он не смотрит. Это ей только кажется.

Но даже если его глаза мертвы, она будет следить за ним, чтобы убедиться, что он на нее не смотрит...

Дженнсен.

Над высоким гранитным утесом раскачивались на ветру сосны. Оставшиеся без листвы клен и дуб размахивали своими скелетообразными ветвями, но Дженнсен ничего вокруг не видела. Она не сводила глаз с мертвеца. И прислушивалась, не раздастся ли голос.

Однако губы мертвеца были неподвижны. Дженнсен знала, что так и должно быть. Голос раздавался в ее голове.

Лицо погибшего по-прежнему было повернуто в сторону тропы, откуда он упал, хотя сейчас Дженнсен казалось, что они обращены в ее сторону. И она крепко сжала рукоять своего ножа.

Дженнсен.

— Оставь меня. Я не сдамся.

Она никогда не понимала, почему голос желает, чтобы она сдалась. Он был с нею всю ее жизнь, но никогда ничего не объяснял. И в этой двойственности она находила успокоение.

Как будто отвечая на ее мысли, голос раздался вновь:

Откажись от своей плоти, Дженнсен.

Дженнсен не могла вздохнуть.

Откажись от своей воли.

Она в ужасе сглотнула. Он никогда не говорил так раньше — чтобы она могла понять все слова.

Она едва различала этот голос, когда засыпала. Он звал ее издали, безжизненным шепотом. Он произносил разные фразы — она знала это, но никогда не могла различить ничего, кроме собственного имени да пугающего короткого призыва сдать-ся. Это слово всегда звучало более отчетливо, чем остальные. Она всегда слышала его и не могла расслышать других слов.

Мать говорила, что это голос мужчины, который почти на протяжении всей жизни хотел убить Дженнсен. Мать говорила, что он хотел замучить ее.

«Джен, — обычно говорила мать. — Все в порядке. Я здесь, с тобой. Он не причинит тебе никакого вреда».

Дженнсен не хотелось перекладывать этот груз на мать, и часто она не рассказывала той, что снова слышала голос.

Но даже если он не мог причинить ей зла, это мог сделать обладатель голоса, если найдет ее. И как никогда Дженнсен захотелось очутиться в защищающих объятиях матери.

Когда-нибудь он придет за нею. Они обе знали, что так случится. Пока же он посылал к ней голос. Во всяком случае, так считала мать.

Поскольку такое объяснение пугало, дочь предпочитала думать, что она — сумасшедшая. Ведь если Дженнсен не в себе, значит, голоса не существует.

— Что случилось?

Дженнсен задохнулась от крика и развернулась, выхватывая нож. Полуприсела и широко расставила ноги, готовая броситься на неведомого противника.

Ведь сейчас это был не бесплотный голос. Какой-то человек шел оврагом по направлению к ней. Ветер завывал вокруг, да еще ее пугал мертвый солдат, поэтому она и не услышала, как человек приблизился.

Он выглядел очень крепким и находился уже совсем рядом, так что она поняла — удрать не удастся, он с легкостью ее догонит.

Глава 2

видев ее реакцию, человек остановился:

— Я не хотел вас напугать.

Голос его оказался достаточно приятным.

— И тем не менее вы меня напугали!

Хотя капюшон плаща незнакомца был опущен и Дженнсен не могла отчетливо видеть его лицо, похоже, он, как большинство других людей, заинтересовался ее рыжими волосами.

— Да, я заметил... Прошу прощения!

Она не изменила защитной позы в знак того, что принимает его извинения; наоборот, бросила быстрый взгляд по сторонам, проверяя нет ли с незнакомцем того, кто незаметно подкрадывается сейчас сзади...

Будучи застигнутой врасплох подобным образом, она чувствовала себя невероятно глупо. В глубине души Дженнсен знала, что никогда не будет находиться в полной безопасности. И дело совсем не в тайном голосе. Малейшая неосторожность способна в любой момент стоить ей жизни. От мысли, как легко это может произойти, девушка почувствовала себя брошенной на произвол судьбы. Если этот человек смог подойти и застать ее врасплох среди бела дня, то мечта о том, что когда-

нибудь ее жизнь будет принадлежать только ей самой, просто безнадежна.

Темная поверхность вздымающейся вверх скалы блестела под дождем. Овеваемый ветрами овраг пустынен — только девушка и двое мужчин. Один мертв, другой жив. Еще будучи маленьким ребенком, Дженнсен не имела привычки представлять себе зловещие лица, скрывающиеся в сени леса. Вот и сейчас промежутки среди деревьев были пусты...

Мужчина остановился в дюжине шагов от нее. Судя по позе, причиной тому был вовсе не страх перед ножом в руке девушки. Просто он опасался вызвать у нее еще больший испуг. Он неотрывно смотрел на нее, казалось, задумавшись о чем-то своем. Но скоро отвлекся от изучения ее лица, непонятно почему вызвавшего столь пристальный интерес.

— Я могу представить себе, почему женщина пугается внезапно подошедшего незнакомца. Я хотел пройти мимо, чтобы не тревожить вас, но увидел лежащего на земле парня. И подумал... Может быть, вам нужна моя помощь, и помчался сюда.

Темно-зеленый плащ облегал на ветру его мускулистую фигуру. Потом ветер задрал полы плаща, и Дженнсен разглядела под ними хорошо скроенную простую одежду. Лицо под капюшоном было едва различимо, но незнакомец явно и старательно улыбался. Впрочем, улыбка его была данью вежливости, не больше.

— Он мертв... — других слов у Дженнсен не нашлось.

Она не привыкла разговаривать с незнакомцами. Она не привыкла говорить с кем бы то ни было, кроме своей матери, поэтому не была уверена в том, что именно говорят в данных обстоятельствах.

— Мне очень жаль... — Незнакомец слегка вытянул шею, пытаясь разглядеть человека, лежащего на земле, но ближе не подошел.

Дженнсен подумала о немалой тактичности человека, который старается не приближаться к девушке, видя, что та явно нервничает. И ей стало неприятно, что она выдала свои чувства. Раньше ей казалось, что никто не сможет прочесть ее мысли по выражению лица.

Незнакомец перевел пристальный взгляд с мертвеца на нож Дженнсен, а потом на ее лицо:

— Полагаю, у вас была на это причина.

На секунду озадаченная, она, в конце концов, уловила смысл сказанного и выкрикнула:

— Я не убивала его!

Мужчина пожал плечами:

— Прошу прощения! Отсюда мне трудно судить, что случилось.

Дженнсен обнаружила, что все еще держит нож направленным в сторону незнакомца, почувствовала себя неловко и опустила руку с оружием.

— Я не хочу, чтобы вы... подумали, что я сумасшедшая. Вы просто напугали меня до смерти.

Его улыбка стала искренней.

— Понимаю. Я не в обиде... Ну и что же здесь произошло?

Дженнсен махнула свободной от оружия рукой в сторону утеса:

— Я думаю, он упал оттуда. У него сломана шея. Во всяком случае, мне так кажется. Я только что обнаружила его. И не вижу никаких других следов.

Пока Дженнсен возвращала нож в ножны, прикрепленные к поясу, незнакомец рассматривал утес.

— Хорошо, что я пошел по низу, а не по верхней тропе.

Дженнсен наклонила голову, как бы приглашая его подойти к мертвецу.

— Я тут искала... то, что помогло бы понять, кто он такой. Я подумала, что, может быть, мне следует... сообщить кому-нибудь. Но я ничего не нашла.

Мужчина направился к ней, его ботинки скрипели на крупной гальке. Он опустился на колени с другой стороны мертвого тела. Наверное, ему казалось предусмотрительным сохранить между собой и женщиной с ножом немного пространства, чтобы она не нервничала так сильно.

— Похоже, вы правы. Видно, что он находится здесь по крайней мере несколько часов.

— Я сегодня уже проходила мимо этого места. Вот мои следы. И вокруг больше нет ничьих следов. — Дженнсен махнула рукой в сторону своего улова. — Когда я шла на озеро, чтобы проверить удочки, его здесь не было.

Незнакомец вытянул шею, чтобы лучше разглядеть застывшее лицо:

— Есть какая-нибудь идея, кто это?

— Нет. Не имею понятия. Ясно только, что он — солдат.

Мужчина поднял на нее глаза:

— А что за солдат, как вы думаете?

Дженнсен нахмурилась:

— Что за солдат?.. Он солдат Д'Хары. — Она присела на корточки, чтобы посмотреть незнакомцу в глаза. — А вот откуда вы, если не узнаете д'харианского солдата?

Незнакомец просунул руку под капюшон и потер шею:

— Я просто странник, проходящий мимо.

По голосу было ясно, что он устал, да и выглядел он неважно.

Его ответ озадачил Дженнсен.

— Где бы я в жизни ни была, я еще не встречала человека, который бы не узнал д'харианского солдата! Как их можно не узнать?

— Я впервые в Д'Харе.

— Это невозможно. Д'Хара занимает большую часть мира.

На этот раз он улыбнулся, не в силах скрыть, насколько его рассмешили слова незнакомки.

— Да неужели?!

Дженнсен почувствовала, как кровь прилила к лицу, и поняла, что сильно покраснела от сознания собственного невежества.

— А что, на самом деле это не так?

Он покачал головой:

— Не так. Я издаю, с юга. Это за пределами Д'Хары.

Она в изумлении смотрела на него, и от ее досады и следа не осталось, когда она поняла, что может означать это удивительное известие. Возможно, в конце концов, ее мечта не так уж невероятна?..

— А что вы делаете здесь, в Д'Харе?

— Я ведь сказал — странствую.

Голос незнакомца звучал совсем утомленно.

Дженнсен хорошо знала, что странствия могут быть очень и очень изматывающими.

— Я знаю, что это д'харианский солдат, — сказал странник более серьезным тоном. — Вы не так поняли меня. На самом